

материального носителя не меняется ни количество информации, ни информационное содержание. Канал связи при этом также может быть реализован физически по-разному, при этом главное – обеспечение возможности передачи информации от источника к приёмнику. Приёмником информации может быть как отдельный гомеостат, так и любая кибернетическая система.

В своей работе «Сумма технологии» С. Лем провёл сложные цепочки рассуждений, которые потребовали от него подробного и тщательного анализа понятия информации, который был им выполнен. Сделанные выводы помогают лучше понять такую сложную и в то же время вездесущую субстанцию, как информация. Рассуждения и выводы, относящиеся к понятию информации, сделанные в «Сумме технологии», актуальны и востребованы в настоящий момент. При этом определение понятия информации до сих пор является открытым вопросом и, как отметил Л. Флориди в своей работе «Открытые проблемы в философии информации» [1], информация всё ещё является расплывчатой концепцией. Мы знаем, что информация должна быть делимой, суммируемой, хранимой и передаваемой. Однако, несмотря на это, у нас всё ещё нет достаточно ясной идеи касательно её особенной природы.

Список литературы

1. Floridi L. Open problems in the philosophy of information, *Metaphilosophy*, Vol. 35, № 4, July 2004.
2. Дессауэр Фр. Спор о технике: монография / перевод с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
3. Лем С. Сумма технологии. М.: Мир, 1968. 608 с.
4. Лем С. Философия случая. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007. 767с.
5. Поппер Карл Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
6. Рассел Б. Проблемы философии. Новосибирск: Изд. Наука, 2001. 109 с.
7. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1960. 67 с.
8. Шеннон К.Э. Математическая теория связи // Работы по теории информации и кибернетике / Пер. С. Карпова. М.: ИИЛ, 1963. 830 с.

ОБРАЗЫ ТРАНСРЕАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ СТАНИСЛАВА ЛЕМА

Гапаров И.А.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва, кафедра философии, аспирант

Данная статья посвящена философскому анализу образов трансреальности в творчестве польского писателя-футуролога Станислава Лема. В ходе исследования внимание заостряется на структурности и концептуальности произведений, а свойственная им фрагментарность выступает закономерным звеном познавательно-методологических аспектов сборки и пересборки. Если сборка учитывает количественную составляющую элементов, способствующую образованию конкретной системы, то пересборка – разнокачественность акторов, в рамках взаимодействия которых снимается количественное различие между активным субъектом и пассивным объектом и переводится в русло особого типа взаимодействия, представленного трансреальностью,

типологизация которой, в силу её статического характера, открывает альтернативу будущему положению дел.

Ключевые слова: трансреальность, технология, сборка, пересборка, актер, проводник, посредник.

IMAGES OF TRANSREALITY IN THE WORKS OF STANISLAV LEM

Gaparov I.A.

Samara University,

Department of Philosophy, postgraduate student

This article is devoted to the philosophical analysis of images of transreality in the work of the polish writer-futurist Stanislaw Lem. In the course of the research, attention is focused on the structure and conceptuality of works, and their inherent fragmentarity acts as a natural link in the cognitive and methodological aspects of assembly and reassembly. If the assembly takes into account the quantitative component of the elements contributing to the formation of a specific system, then the reassembly is the difference in quality of actors, within the framework of the interaction of which the quantitative difference between the active subject and the passive object is removed and transferred into the channel of a special type of interaction, represented by transreality, the typology of which, due to its static nature, opens up an alternative to the future state of affairs.

Keywords: transreality, technology, assembly, reassembly, actor, conductor, intermediary.

Технологический прогресс и будущее человечества являются ключевыми звеньями одной цепи, разомкнуть которые не под силу ни одному из мыслителей. Комплексная разветвленная сеть информационных структур, явившаяся следствием данного процесса, изменила представления человека о возможностях (потенциях) бытия и подогрела интерес к общественным перспективам. Однако этот процесс негативно сказался на достоверности познавательных аспектов. Ведь если ранее истинность той или иной части действительного положения дел неоспоримо определялась и подтверждалась конкретным источником познавательной активности (чувственностью или рациональностью), то с приходом квантово-полевой картины мира (в рамках ускоренности НТП) образовалась поливариативность. Так из-за процессов технологизации и информатизации человек оказался в мире, казавшемся бы, лишенном фундаментальных оснований. К тому же подтверждением тому послужило разнообразие философских направлений XX века (экзистенциализм, позитивизм, аналитическая философия, структурализм, постмодернизм и др.), ни одно из которых не смогло обойти проблему технизации «социального», суть которой касалась отождествления (идентификации) технического с природным и последующей подменой. Так, например, для Мартина Хайдеггера таковыми были «постав» и «Das Man», а для Жана Бодрийера – «симулякр».

Помимо негативных воззрений, с критикой относящихся к техническим и технологическим новшествам (М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Ж. Бодрийер и др.), наравне с ними появился целый ряд концепций, для которых процесс технологизации реальности является следствием роста научного знания. Он напрямую соотносится с творческой активностью человека и является залогом его дальнейшего физического и интеллектуального совершенствования (Э. Капп, М. Маклюэн и др.). Впрочем, имеющаяся в наличии теоретико-методологическая база была недостаточной в силу отсутствия образности (наглядности) полноты представления о возможностях технических устройств, что неоднократно ставилось в упрек представителям данной

направленности. Исходя из этого появился социальный запрос на тех, кто смог бы развернуть картину вариаций концептов будущего. Таковыми стали футурологи, которые по большей части являлись писателями, так как экстраполяция существующих тенденций (технологических, экономических или социальных) требовала неимоверной эмпирико-методологической базы, которой, естественно, как у ученого, так и у философского сообществ не было. Свидетельством тому послужил научный кризис, растянувшийся на полстолетия (XX века) и охвативший практически все социально-гуманитарные и естественные науки. Несмотря на стихшую бурю и смену парадигм, появилось множество вопросов и проблем, которые требовали своего разъяснения.

Станислав Лем стал одним из первых провозвестников мысли, попытавшимся окинуть взором разнообразные вариации техно-концептов, что, естественно, так и не было отражено в систематическом философском трактате. Однако сам жанр работ – «научно-фантастический роман», несмотря на собственную «фрагментарность» (романов, как и разных ситуаций, множество), свидетельствует о рефлексивной проработке поставленных современной наукой проблем (времени и пространства, детерминизма и индетерминизма, элемента и системы в рамках технологических революций) и следствий, из них вытекающих.

В первую очередь следует отметить, что большая часть работ С. Лема состоит из разрозненных «концептов» (*cogito*, трансцендентальный субъект, *affirmo* и т.д.), объект которых фиксируется частично, «он странный, потому что любой его анализ неокончателен и не может устранить чего-то неуловимого и неопределимого» [6, с. 11]. Это говорит о том, что интенция одних и тех же работ совершенно разнообразна. Поэтому здесь Лем становится в ряд с Жилем Делёзом, для которого такую разносторонность и незавершенность воплощает в себе сборка. Она представляет собой соединение разнородностей, результатом которого выступает многовариативность форм. Это номадическое состояние бытия раскрывается в мысли, направленной не на распознавание объекта с помощью понятий и категорий (хотя без них никак не обойтись), а на контакт с нераспознаваемым. Так любое «сингулярное» образование (новое слово или изобретение) производит «переворот», приводящий к трансформации связанного узла, входящего в эту сборку [1], что, например, происходит в тот момент, когда Ийон Тихий из произведения «Футурологический конгресс» открывает для себя «маскон» – галлюциноген, создающий виртуальную реальность. Однако стоит отметить, что помыслить сборку невозможно без сопутствующего момента изменения ей соприсущего, каковым и выступает пересборка. Воззрения Лема с Делёзом расходятся, так как писатель-фантаст прибегает к силе воображения в единении с рациональной способностью, против чего, естественно, возражает философ-постмодернист. А все дело в том, что данность, подвергнутую сборке, невозможно зафиксировать. Изменение, становление и трансгрессия являются аспектами силы воображения, но никак не комплексом рациональных способностей. Поэтому здесь следует перейти к следующему термину – «пересборка», который вполне разъясняет суть творчества С. Лема.

В отличие от сборки, пересборка выступает связью противоречивых форм, которую поддерживают акторы [2]. С одной стороны, их влияние друг на друга приводит к изменению объективной действительности, на фоне которой они разворачивают действие сил. Поэтому конституирующим звеном здесь выступает сингулярное образование, которое производится в процессе взаимодействия. Таковым, например, выступает беседа Ийона Тихого с профессором Троттельрайнером, в ходе которой они создают новые понятия, такие как «ногизм», «интерферент» или «мусороздание» [7]. С другой стороны, помыслить данную трансформацию представляется невозможным без обоюдного влияния акторов друг на друга, в ходе которого изменение затрагивает каждого из них, результатом чего становится новое образование – «трансреальность», представляющее собой модификацию акторов (субъектов и объектов в их влиянии друг на друга).

Другое определение «трансреальности» может быть выявлено в рамках сопоставления с обыденной реальностью, под которой подразумевается наполняемость мира ощущениями, осмысленностью предметов, их значимостью. Мир обыденной реальности – это паутина пересекающихся смыслов и указателей. Напротив, «трансреальность» представляет нечто «большее», чем то, что под собой подразумевают вещи. В качестве этого «большого» выступает установка обратного воздействия вещей на человека, а тот в свою очередь, в силу наличия разума, представляет собой регулирующий клапан, сводящий поток «трансреальности», посредством установки «эпохе», к обыденному восприятию. Однако воплощение этот клапан находит не в самом человеке, а в том, что им создано. Таковыми выступают технологии, которые для польского мыслителя являются определяющим фактором, позволяющим создавать разнообразные образы «трансреальностей». Исходя из этого, можно попытаться составить следующую типологию, включающую: 1) человеческую («в-себе» бытия); 2) антропоморфную; 3) некротифическую (становление инобытием самого себя) «трансреальности».

К первой разновидности следует отнести ряд работ, относящихся к утопиям и антиутопиям, в которых ветвь развития человеческой цивилизации достигает наивысшей степени. Одним из таких произведений выступает роман «Возвращение со звезд». Существенным трансформациям подвергается реальность человека эпохи XX-XXI веков. Её «образ» переносится в «реал», т.е. в пространство (место), воспроизводящее «пограничные ситуации», нацеленные на пробуждение особых состояний человеческой настроенности (решимости, мужества и т.д.). Но в силу максимальной технологизации, для людей данного мира, «реал» выступает формой свободного времяпрепровождения, в отличие от «неинтегрированных» в данную сеть, среди которых присутствует главный герой романа Эл Брегг. Ещё одним следствием изменения сознания и мышления людей становится процедура «бетризации», нейтрализующая агрессивные импульсы и усиливающая инстинкт к самосохранению. Степень толерантности к риску доходит практически до нуля, в силу той комфортности, коей обеспечил себя человек, а потому «во всех областях, где сам человек, ненадежность его эмоций, медлительность реакций могли создать хотя бы минимальный риск, он был заменен мертвыми устройствами, автоматами» [3, с. 268]. Таким образом, создается особая сфера «трансреальности», которая отгораживает себя от остального природного мира. Если ранее обратной связью между человеком и реальностью являлись органы чувств и ряд определенных реакций и действий, исходящих или направленных на неё, что порой приводило к внешним помехам и замыканиям, результат которых оказывался прямо противоположным (посредник), то теперь достаточен один лишь «жест», чтобы воспроизвести максимум средств, воплощенных в ней (проводник). На смену тем вещам, коими окружил себя человек эпохи массового потребления, приходят заменители, созданные из специальных волокон, универсальность коих позволяет творить все, что угодно. В силу этого исчезает аура той таинственности и уникальности, коей некогда вещи наделялись. Если раньше они требовали от человека затрат значительных объемов энергии, то теперь «трансреальность», охватывающая новые социальные пространства (постгородские здания, места проживания), берёт эту функцию на себя. Так человек «новой эпохи» окончательно «теряет» своё лицо, представленное неупорядоченными чувствами и эмоциями. Например, аффективность, свойственная, к примеру, Эл Бреггу и его товарищу Олафу, поражает Эри, для которой определяющим ориентиром в новом обществе является «рационализация» своих действий и чувств, что усиливается бетризацией. Ожидания «трансреальности», в которой оказываются герои-астронавты, не оправдывают поначалу возложенных надежд, что проявляется в постоянных смятениях, угрызениях совести, ощущении чуждости себя по отношению ко всему остальному. Являясь представителями установки обычной реальности, их проблемы тесно пересекаются с этикой и эстетикой. Этим С. Лем ещё раз отмечает важный момент, суть которого заключена в особой консистенции человека XX – начала XXI века, для которого установка свободы и

вытекающего из неё выбора становится определяющей разметкой систем координат, что позволяет говорить о дистанции по отношению к технике и технологическим новшествам, в отличие от нового человека, для которого, в силу ущербности его бытия, не существует целостности самости. От той процессуальности, в рамках которой протекала его жизнь (рождение, взросление, старость, смерть), теперь стремятся избавиться различными ухищрениями. Поэтому теряют смысл такие термины, как событие, случай и ситуация, а человек становится застывшей, статичной сущностью, основа чего, конечно же, закладывается ещё в детстве, в процессе воспитания и обучения, и бытие которого теперь не выходит за пределы хронического времени, в отличие от людей бывшей эпохи, в сущности которых заложен кайрос. Ведь для них ещё определяющим моментом являются интенсивности, переживания, трансгрессивные потоки, смыслы. По этой причине диалог Эл Брегга и Эри невозможен, как находящиеся по разную сторону баррикад они не способны принять, а тем более окончательно понять друг друга, хотя такие попытки усиленно предпринимались практически до конца. Самость «трансреальности» оказывается наиболее тесным образом пересеченной с технологиями, результатом чего становится проекция человеческого бытия, представленная роботами, кои в изначальной технологической направленности становятся ему подобными, различимость чего устанавливается на основе ряда существенных механизмов. Эта потеря в различимости становится роковой ошибкой для оптимизма, свойственного любому прогрессу. Как показывает автор, будущему человечеству приходится отказаться от такой тенденции в силу неспособности переносить большие страдания, от которых оно так рьяно стремилось избавиться, даже открыв парастатику, направленную на покорение (управление) гравитации.

Ко второй разновидности относятся проекты, в рамках которых единственным верным средством трансляции социального аспекта выступают технологические и технические средства. Причем данный инструментарий в рамках пересборки выступает не проводником, как принято, по большей части, в человеческом обществе, а посредником, где возникают разнообразные посторонние помехи, сбивающие исследователя (наблюдателя) с толку. Одним из таких загадочных произведений выступает «Эдем», в котором С. Лем превосходит все ожидания читателя. Его основной проблемой является смысловая разрозненность различных интерпретаций, постоянная пересборка опыта, подкрепляемая активной силой воображения. Монадичность (уникальность), свойственная каждому из персонажей, не позволяет найти «общий язык», в связи с чем остаётся много открытых пробелов в романе. Любая попытка воспринять и понять ход развития и структуру цивилизации Эдема разветвляется до тех пор, пока не возникает обратная связь с одним из её наиболее «разумных» представителей, в ходе которой персонажи наталкиваются на затруднения, связанные с новыми значениями, например такими, как «социопсихоциркуляция» или «внутренняя антисмерть» [5, с. 242]. Так или иначе, по ходу развязки романа становится понятным (в более приемлемом виде), что неземная цивилизация двутелов представляет собой специфическое образование, тесно связанное с планетой, на которой они проживали. Жизнь такого существа поддерживается благодаря электроэнергетическому усвоению неорганических соединений посредством агрегатов, отделяющих питательные вещества от непитательных. Физиологическая оболочка такого существа состоит из следующих половин, одна из которых, наиболее незащищенная, представляет собой голый торс, руки и голову, а вторая – коконообразная с уплотненными конечностями (средствами передвижения), выступающая средством защиты для двутела. С другой стороны, как видно из диалога с инопланетным существом, уплотненная часть тела является рудиментом и выступает тягой для них, от которой стремились избавиться путем селекции, приведшей к мутациям, затронувшим переднюю часть лица. Ситуация осложняется и сложным социальным устройством, в котором в явной форме отсутствует вертикаль власти, она становится анонимной, децентрированной и сетевой, категориально отличной от любой человеческой. В результате это приводит к

своеобразной версии «информационного тоталитаризма», которая запрещает распространение сведений, связанных с проведением плана биологической реконструкции. Нарушение данных правил приводит к дистанцированности в особые группы от остального «сообщества». Их расположение в специфическом пространстве воплощает в себе сочетание принудительных работ и «биосоциозамыкание», представляющее, с одной стороны, форму наказания, а с другой, место «заключения» для неудавшихся экземпляров. Тем самым через дисциплину «прокрустика» отмечается момент социальной спаянности индивида с социумом, что включает в себя планирование типа действий, конфликтов и взаимных притяжений, в результате которых образовывается гомеостатическое равновесие, которое может быть свойственно как социальному устройству в целом, так и замкнувшимся в группы, изгнанным особям, не способным более найти общий язык. В отличие от них, более «полноценные» особи используют все преимущества технологий. К таковым в романе относятся летающее дискообразное транспортное средство, устраняющее недостатки атавизмов, особая разновидность одежды, обладающая электрическими импульсами, и прочее. В сумме своей, данная цивилизация, обладая огромной энергией, вынуждена концентрировать её в особых формах, каковыми и выступают технологии.

К последней разновидности относятся произведения, в которых антропогенез в целом заменяется некроэволюцией технических механизмов, разворачивающейся в условиях максимальной адаптации. Отражением данной установки выступает научно-фантастический роман С. Лема «Непобедимый», в котором экипаж корабля получает поручение найти следы пропавшей экспедиции и её гибели [4]. В ходе предпринятых действий выясняется, что на планете помимо живых существ, обитающих в водном пространстве, присутствуют также механизмы, представляющие собой эволюционное наследие инопланетной цивилизации, прибывшей из созвездия Лиры (лирян). Исходя из найденных персонажами следов, выясняется, что существовало несколько типов «роботов». Подвижные машины представляли собой сложные интеллектуальные конструкции, представлявшие собой непосредственное изобретение лирян. Они обладали мощным вооружением, но зависели от ядерного источника энергии, который находился на корабле. Однако с гибелью лирян пришлось искать новые источники. Так начался процесс некроэволюции, в ходе которой выжили наиболее приспособленные к окружающим условиям. Эти роботы представляли собой простейшие механические образования, основанием которых выступала магнетическая тяга, посредством которой данные механизмы способны были объединяться в более внушительное интеллектуальное образование, названное героем романа «тучей». Их высокая подвижность и независимость от наличия запасных частей и ядерных источников энергии оказались основополагающими аспектами в борьбе за выживание с представителями местной флоры и фауны, а также с первым поколением роботов. Однако значительные растраты энергии, присущие простейшим механизмам – «мушкам», привели к тому, что вместо того, чтобы истреблять живое/неживое существо, некроэволюция была перенаправлена на режим максимального энергосбережения, в ходе которого они приобрели мощные магнетические силы, способные «телепатически» воздействовать как на интеллектуальные машины, сбивая их с толку (нарушая целостность программы), так и на живые существа, полностью стирая им память, в результате чего они становятся беспомощными и наиболее уязвимыми, т.е. превращаются в младенцев. Данный момент оказывается ключевым в работе, так как позволяет перейти на сторону механистического интеллекта и образно представить себе человечество, а точнее спроецировать собственные установки на него. Упрек человечеству в данном случае заключается в том, что абстрактный разум представляет собой не простое активное образование, а по большей части своей статичное, актуализируемое лишь в конкретных «пограничных ситуациях», напрямую связанных с жизнью особи. Становление ребенком позволяет понять всю подоплеку простейшего агрегата, полагающего нейтрализацию, в чем прослеживаются типичные

черты «бетризации», отсылкой к гегелевскому состоянию бытия «в-себе». Ведь подобная интеллектуальная машина, состоящая из простейших механизмов, выражает не полноту бытия, а его отчуждение, стремясь через магнетическое поле вернуться к себе. Технические и технологические аспекты, наследуемые данным агрегатом от мертвой антропоморфной цивилизации, выступают посредником, способствующим обретению данного состояния, но препятствующим его достижению в силу того, что аспект борьбы и единства противоположностей оказывается одновременно устранен, но поздно осознан. Диалектическое развитие приостанавливается, и механизм «впадает в спячку». Однако противоречие снимается в самом конце работы, когда «туча» воспроизводит лицо главного героя романа Рогана, что подводит к естественному заключению противостояния в синтезе, а также достижения полноты «в-себе-и-для-себя» бытия.

Таким образом, принятые во внимание и отраженные в форме техно-концептов образы «трансреальностей» в творчестве С. Лема являются конституирующим принципом пересборки, в которой взаимодействию акторов и их сингулярному образованию отводится господствующее положение. Важной значимостью обладают технологические приемы и их производное (техника), которые в сумме своих составляющих являются отчуждающим фактором человеческой самости, группы или общества. Негативность скрывается именно под личиной привычного диалектического снятия в синтезе, результат которого – вполне ожидаемые события и последствия (к примеру, что разумные существа используют язык или что живое существо обладает логическим мышлением). «Проекция» и «перенос», которые предполагаются чем-то само собой разумеющимся в человеческом сообществе, перестают срабатывать только тогда, когда посредствующим звеном начинает выступать технологический и технический аспект, приводящий к точкам бифуркации и случайностям, что вполне соотносимо с жизненным опытом человека, в примере выполнения машиной совершенно иных функций, не предусмотренных её программой. Проблема скорее кроется в человеческом восприятии явлений, структурирующим аспектом связующего опыта которых выступает привычка проведения ассоциативных связей. Ведь определяющим аспектом на протяжении нескольких столетий (если не тысячелетий) выступала статичность (репрезентация и воспроизводство), под влиянием которой представители классических философских концепций строили фундаментальные системы. Они так или иначе соотносились с действительным положением дел до того момента, когда им на смену пришли динамические процессуальные системы (квантово-корпускулярный дуализм, пространственно-временной континуум и прочее), воспринимать которые в разрыве составляющих представлялось более невозможным. Поэтому наиболее адекватным представляется сохранение и последующий анализ связи «антропоморфное существо/человек – техника/технологии», который способен, с одной стороны, пролить свет на открытие новых типов отношений между ними, а с другой стороны, попытаться перенести их в установку обыденной реальности.

Список литературы

1. Делез Ж. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Ек.: У-Фактория, Астрель, 2010. С. 587-717.
2. Латур Б. Пересборка социального. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.
3. Лем С. Возвращение со звезд. М.: Издательство АСТ, 2019. 320 с.
4. Лем С. Непобедимый. М.: Издательство АСТ, 2019. 224 с.
5. Лем С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1. Моя жизнь. Эдем. Расследование. М.: Текст, 1992. 462 с.
6. Лем. С. Философия случая. М.: Издательство АСТ, 2007. 768 с.
7. Лем С. Футурологический конгресс. М.: Издательство АСТ, 2017. 192 с.